

Е.А. Воротынцева

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ КАЗАНСКОГО ХРАМА УСТЮЖНЫ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Современный каменный Казанский храм Устюжны, построенный во второй половине XVII века на средства крупного торгового дельца и мецената Г.Д. Строганова, — один из самых красивых архитектурных памятников города. Богатым декоративным убранством фасадов, схожим с другими строгановскими постройками того времени, устюженская Казанская церковь напоминает русские терема. Когда-то на месте этого архитектурного чуда стояла скромная деревянная церковь того же названия. Об истории основания первого устюженского Казанского храма сохранилась красивая легенда.

Легенда об основании Казанского храма

В 1860 году в журнале «Архив исторических и практических знаний, относящихся до России» была опубликована статья устюженского краеведа, преподавателя местного духовного училища Е.А. Поливина «Монастыри и церкви в Устюжне Железопольской», в которой автор привел «общее предание граждан» о причине, побудившей построить на окраине города храм Во имя Казанской иконы Божьей Матери. В записи Поливина предание гласит: «В Устюжне, лет за полтора, был юродивый, некто Афоня, по прозвищу Железный Посох, у которого постоянной поговоркой к каждому почти слову было: «Осу!»¹. Устюжане особенно почитали его и благоговели даже к нему за святость его жизни и за дар предсказаний, сбывавшихся непременно так, как говорил блаженный. Он жил у священника Петровской церкви, в отдельной, данной ему на дворе особой келейке. Посещая всех и каждого без зова и в неопределенное время, он постоянно ходил по городу и часто за город.

Казанская церковь

За древней часовней (т.е. на месте нынешней Казанской церкви) и около нее был прежде сосновый лес, очень крупный. В этом-то лесу одно время блаженный увидал на сосне икону Божьей Матери Казанской и уведомил об этом устюженского собора священника, и народ тут же принял на себя обязанность собирать добровольные по-

жертвования на устройство храма во имя Богоматери на самом месте ее явления. И вот приношениями целого города, а отчасти и других, воздвигается новый обширный деревянный храм во имя явления иконы.

Все было готово; недоставало только колокола. Во время сбора пожертвований блаженный заходит как-то к одному приезжему боярину и просит настоятельно подаяния на построение церкви. Боярин, видя пред собой человека, странного по одежде и обращению, просившего у него настойчиво подаяния, счел его за помешанного и велел выгнать. Уходя за ворота, блаженный сказал хозяйке (проводившей его и удивлявшейся сердитому его виду): «Осу! Не ходи ко мне!». А дома, запершись, приказал жене священника: «Осу! Не пускай ко мне!». Та и другая не поняли его слов, наконец, они объяснились. В ночь того же дня приезжий боярин, прогнавший от себя юродивого, захворал внезапно страшным недугом. Какая-то неестественная, нестерпимо мучительная боль, как будто огонь, терзала всю его внутренность, так что несчастный страшно метался, кричал и просил себе смерти как отрады. Супруга его и сами хозяева занимаемого им дома, до крайности испуганные такой ужасной нечаянностью, не знали, что делать и чем помочь. Наконец хозяйка, бывшая свидетельницей поступка приезжего с юродивым, объявила ему, что юродивый у них человек святой и что это верно наказание Божье за сделанную ему обиду. При этом она передала сказанные им слова при уходе. Почувствовав в душе раскаяние и страшно мучимый, больной просил ее сходить к блаженному, и спросить его прощения, и помолиться явленной иконе о его облегчении.

Придя к блаженному, хозяйка нашла его действительно запершимся и долго не могла достучаться; наконец сквозь дверь, без всякого предварительного с ее стороны объяснения, юродивый сказал: «Осу! Я знал, что ты придешь; поди скажи, чтобы купил колокол к Казанской; к утру здоров будет». По приходу хозяйки действительно больному стало легче, а к утру он совершенно выздоровел. С душевным сознанием и почтением к человеку Божьему и верой к Царице Небесной он отправился сам к юродивому и, помолившись вместе с ним явленной иконе Божьей Матери, взял его с собой в Москву, слил по его желанию колокол и обратно отвез в Устюжну»².

Итак, народное предание указывает на то, что инициатором и активным участником строительства первого Казанского храма Устюжны был местный юродивый Афанасий по прозвищу Железный Посох.

О святых Афанасиях

Сочетание имени Афанасий с прозвищем Железный Посох, а также отдельные моменты биографии юродивого, приведенные в легенде, поневоле наводят на мысль о возможности некоторой аналогии. Дело в том, что в истории христианства известен святой преподобный Афанасий Афонский. Он жил в X веке и прославился тем, что был инициатором, руководителем и участником строительства существующей и по сей день знаменитой Афонской лавры. Преподобный обладал даром прорицателя. По описаниям, он отличался еще и тем, что имел гигантский рост, исполинскую силу и весьма властный, крутой нрав. Афанасий Афонский никогда не расставался со своим железным посохом, от которого порой доставалось некоторым нерадивым жильцам обители. Посох Афанасия Афонского до сих пор, как святая реликвия, сохраняется в часовне преподобного на Афоне.

В Афонской лавре также находится знаменитая икона Пресвятой Богородицы Домостроительницы. По преданию, Богородица явилась преподобному Афанасию и стала экономиссой-домостроительницей построенной им обители.

Итак, в описании жития Афанасия Афонского и в народной легенде о построении Казанского храма с участием Афанасия по прозвищу Железный Посох из Устюжны имеются определенные совпадения. Это, во-первых, одинаковые имена. Во-вторых, оба тезки считались прорицателями. В-третьих, оба являлись инициаторами и участниками строительства христианских храмов. В-четвертых, оба Афанасия удостоились чуда, связанного с Богородицею. Первый лицезрел ее воочию, второму явилась чудотворная икона с ее изображением. Случайны ли эти совпадения? Возможно, что случайны, однако также вероятно и другое. Устюженский Афанасий, живший гораздо позже святого преподобного Афанасия Афонского, мог взять в качестве примера для подражания житие и духовные подвиги своего знаменитого тезки. Возможно, что именно на это указывает прозвище юродивого — Железный Посох³ Любопытно и другое. В настоящее время существует мнение, что устюженский юродивый Афанасий Железный Посох — это один из основателей города Череповца, известный под именем святого преподобного Афанасия Череповецкого по прозвищу Железный Посох.

О святом преподобном Афанасии Череповецком известно многое. Исследователи полагают, что он жил в XIV веке и в период

между 1355 и 1364 годами вместе с иноком Феодосием основал Череповецкий Воскресенский монастырь. Мощи основателей этой обители в настоящее время покоятся под спудом череповецкого Воскресенского собора, построенного на месте древнего монастырского храма.

В 1882 году известный русский историк и библиограф Н.П. Барсуков издал книгу «Источники русской агиографии», которая представляет собой словарь русских святых с указанием всех известных на то время рукописных первоисточников, имевших отношение к их биографиям — житиям. Об Афанасии Череповецком Барсуков писал: «Афанасий, преподобный Череповецкий. Память празднуется 25 сентября. Основатель Череповского Воскресенского монастыря. Сведений о нем не имеется, потому что во время литовского нашествия на Россию монастырь этот почти до основания был разорен. По предположению преосвященного Амвросия⁴, преподобный Афанасий пришел из Троицкого Сергиева монастыря; ибо первоначальная церковь была им построена во имя Святыя Троицы и преподобных Сергия и Никона Радонежских⁵, а «в древности обыкновение имели отшельники устроить новыя обители по образцу тех, в которых они восприяли монашество»⁶. А что преподобный Афанасий был действительно основателем обители, то это доказывается надписью на одной Вкладной книге 1567 года, где значится: «Сия книга святыя обители сея Воскресения Христова, и святыя Живоначальныя Троицы, и святых преподобных чудотворцев Сергия и Никона, и начальников святыя обители сея преподобных отец наших Феодосия и Афанасия». Череповецкий монастырь основан в XV веке (точнее, во второй половине XIV в. — Е.В.) и был домовый митрополии Московской; упразднен в 1764 году»⁷.

В этом же издании Барсуков привел сведения о другом святом по имени Афанасий: «Афанасий, преподобный Устюжны Железной. В Книге о святых: “Преподобный пустынный, зовомый Железный Посох. Ученик преподобного Сергия Радонежскаго. Преставился в лето 6896 (1388 г.)”»⁸. Книга о святых, упомянутая Барсуковым, — это краткое название рукописи XVIII века, которую историк использовал для составления сведений о некоем Афанасии по прозвищу Железный Посох из Устюжны⁹.

В 1887 году Почетный член Киевской и Московской духовных академий, действительный член Императорского общества истории и древностей российских граф М.В. Толстой опубликовал новый каталог российских святых под названием «Книга, глаголемая описание о

российских святых, где и в котором граде или области или монастырь и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякаго чина святых»¹⁰. В основу своей работы исследователь положил рукопись, составленную неизвестным автором в конце XVI — начале XVII века. В предисловии к книге Толстой указал, что списки этой рукописи разошлись «по разным местам и время от времени дополнялись разными лицами»¹¹. Кроме рукописи, Толстой использовал в своей работе и различные публикации, включая вышеупомянутый труд Н.П. Барсукова. При этом произошла странная метаморфоза. В публикации Толстого Афанасий Череповецкий и Афанасий Железный Посох из Устюжны, которые у Барсукова были указаны как два разных лица, «превратились» в одного человека. Толстой писал: «Града Устюжны Железныя преподобный Афанасий пустынный, зовомый Железный Посох, ученик бысть святаго Сергия чудотворца, преставися в лето 6900.

Ученики преп. Сергия Радонежскаго Чудотворца, отшельники — Афанасий, по прозванию Железный Посох, и Феодосий — поселились в Новгородском краю на Череповском урочище, в весьма красивой местности, при впадении речки Ягорбы в реку Шексну, среди непроходимых дремучих лесов. Там поставили они церковь в честь Св. Троицы и устроили Воскресенский Череповский монастырь, который был разорен до основания во время нашествия Литвы, а потому не сохранилось сведений о блаженных его основателях, кроме одной надписи на вкладной книге 1568 года¹²: «Сия книга св. обители Воскресения Христова и Живоначальная Троицы и начальников преподобных отец наших Феодосия и Афанасия». Обитель упразднена в 1764 году, а монастырская слобода и ближнее село Феодосьево в 1780 году обращены в уездный город Череповец. В соборном храме погребены преп. Афанасий и Феодосий. Память их 25 сентября»¹³.

Откуда в трудах маститых исследователей взялись разночтения? Оба историка использовали в своих работах как рукописные списки с житийными описаниями святых, так и многочисленные монографические работы. Академик Ф.И. Буслаев в 1861 году писал: «Занимающимся русской стариной хорошо известно, как разнообразны редакции Жития русских святых. Житие краткое, как летописная основа, впоследствии распространялось различными подробностями, интересными для истории русского быта и литературы... Особенно разнообразны редакции тех сказаний, в которых к историческому факту уже в раннее время народная фантазия присоединяла поэтические плоды своего творчества»¹⁴.

Итак, благодаря «поэтическим плодам» народного творчества в разнообразных списках русских святых появились некоторые разночтения. Этим разночтением трудно было избежать и профессиональным исследователям. Но возникает вопрос: действительно ли святой преподобный Афанасий Череповецкий и Афанасий по прозвищу Железный Посох из Устюжны одно и то же лицо? И если это так, то каким образом, живя в XIV веке, можно было стать инициатором строительства храма Во имя Казанской иконы Божьей Матери?

Известно, что первый Казанский образ Божьей Матери появился (явился) в городе Казани в 1579 году. Вообще до 1552 года, то есть до взятия Казани войсками Ивана IV Грозного, этот город являлся столицей мусульманского Казанского ханства. В нем не было и не могло быть православных святынь. Известно также, что особое почитание на Руси Казанская икона получила после событий Смутного времени, когда в 1612 году образ привезли из Казани в расположение стоявшего под Москвой Первого народного ополчения. Позднее икона сопровождала поход войск Минина и Пожарского. С тех пор, в память освобождения Москвы от польских интервентов, ежегодно 22 октября Русская Православная Церковь совершает обряды в честь Казанского образа Божьей Матери.

После событий 1612 года списки с чудотворной Казанской иконы (могли быть написаны никак не ранее 1579 года) получили широкое распространение в русском народе. По всей Руси стали строить храмы в честь этого образа. В этот период Казанская церковь была построена и в Устюжне.

Первый Казанский храм в Устюжне и посадские люди Семёновы

Первый Казанский храм был построен на восточной окраине Устюжны «спустя 21 год после третьей переписи»¹⁵. В данном случае речь идет о трех известных переписях населения Устюжны Железопольской, а также ее церкви и монастырей за 1567, 1597 и 1626 годы¹⁶. Следовательно, первый Казанский храм Устюжны был построен в 1647 году¹⁷. Ранее, во второй половине XVI века, примерно на этом же месте существовала деревянная церковь Рождества Христова. По данным переписи 1567 года этот храм был приходским, но стоял «без пенья», то есть в церкви не проводились службы. В документе также указано: «...а в попове дворе живет нищей да

пятнадцать келей, а в них живут нищие ж, а питаются от церкви Божией»¹⁸. Храм был небогат, не имел своего священника, в результате чего со временем пришел в ветхое состояние и был закрыт. В последующих двух переписях (1597 и 1626 г.) церковь в этом месте уже не упоминается¹⁹.

Крестный ход

Итак, храм в честь явления Казанской иконы Божьей Матери был построен на месте церкви Рождества Христова в 1647 году. Известно имя строителя, точнее того, кто оплатил расходы по строительству. Им стал устюженский посадский (то есть городской) человек Михаил Семёнов по прозвищу Олончанин.

Семеновы — старинная устюженская династия, которая проследивается в Устюжне Железопольской со второй половины XVI века. По переписи 1597 года, например, упоминаются семнадцать представителей этой фамилии²⁰. Большинство из них имели отношение к популярному в крае железоделательному производству. В документах слободы, приписанной к устюженскому собору Рождества Богородицы, за 1627/28 г. упоминаются Давыд, Иван и Некраско Семёновы²¹. В 1632 году в Устюжне был известен мастер-молотник Никифор Семёнов, который «ковал и гладил ядра»²², а также «ядер-

щик» Васька Семёнов. В 1715 году в списке кузнецов Устюжны Железопольской указан Диментий Семёнов²³.

Семёновы — династия кузнецов и молотобойцев, но некоторые представители рода активно занимались торговлей. Так, в 60-х годах XVII века таможенные книги города Тихвина неоднократно регистрировали устюженских торговцев Сергея, Ивана и Ерофея Семёновых, которые привозили на местный торг мясо, мед, пеньку, а также товары железоделательного производства²⁴.

Среди представителей рода Семёновых были и церковнослужители. Например, в 1626 году в устюженском храме Петра и Павла (при котором, кстати, жил Афанасий Железный Посох) служил пономарь Онашка Семёнов²⁵. В 1713 году во дворе Воскресенского храма, «что на Устюжне на посаде», проживал с семьей белый поп Фома Семёнов, а при городском храме Вознесения Господня служил пономарь Софон Семёнов²⁶.

О строителе Казанской церкви Михаиле Семёнове Олончанине известно немного. На основе имеющихся архивных данных можно сказать, что он жил примерно между 1600 и 1680 годами и был приписан к посадским людям Устюжны Железопольской. Не исключено, что Олончанин имел отношение к железоделательному производству, скорее всего, занимался скупкой и перепродажей железных изделий местных кузнецов. Дело в том, что во второй четверти XVII века многие устюженские кузнецы не только производили железные изделия, но и сами сбывали их оптовикам-перекупщикам.

В то же время для железоделательного производства в качестве сырья использовался железный уклад как местного, так и привозного производства. Известно, что на протяжении всего XVII столетия устюжане, кроме прочего, приобретали олонецкий уклад. Возможно, что Олончанин заслужил свое прозвище, занимаясь именно этим родом деятельности. Вообще для жителей Устюжны Железопольской указанного периода были характерны различные прозвища, которые либо зависели от их профессиональной деятельности — Кузнец, Укладник, Мельник, Торговник, Рухлядник, либо имели географическую «привязку» — Белозер, Устречанин²⁷, Угличанин, Ладожанин. Последние, как правило, указывали на постоянные торговые связи устюжан, то есть названия местностей, куда ввозили либо откуда вывозили товары те или иные торговцы Устюжны Железопольской.

Каким образом прозвище строителя Казанского храма Михаила Семёнова связано с городом Олонцом — доподлинно неизвест-

но. Важно другое. Семёнов Олончанин располагал определенными капиталами, часть из которых пошла на строительство Казанского храма. Более того, он стал первым старостой этой церкви и заботился о ней на протяжении почти трех десятков лет. Известно, что в 1659 году Казанский храм пострадал от пожара и был восстановлен только благодаря деятельности своего старосты. В 1675 году Семёнов добился у митрополита разрешения на освобождение Казанской церкви от церковной дани, мотивируя просьбу тем, что «у той церкви церковныя земли и сенных покосов и приходу ни единого двора нет... и тое де церковныя дани платить не с чего»²⁸.

В 1680 году Олончанина уже, видимо, не было в живых, так как старостой храма состоял другой человек — старец Нифонт. Однако известно, что необходимую помощь новому старосте оказывал другой представитель рода посадских людей Семёновых — земский староста Олуферко Семёнов. Он, в частности, писал к митрополиту, прося содействия в проведении в Казанской церкви постоянных богослужений, так как своего священника из-за бедности и малочисленности прихода при храме не было, а «служивший при ней изредка поп Кирьяк отказывался вовсе от служения»²⁹.

Итак, представители рода Семёновых не только построили в Устюжне первый Казанский храм, но и всячески поддерживали его существование на протяжении более трех десятков лет. При этом у церкви в разные периоды либо вовсе не было прихода, либо он был столь беден и малолюден, что не мог приносить каких-либо ощутимых доходов. Что же заставляло Михаила Семёнова, а за ним и Олуферко Семёнова заботиться о поддержании храма?

В XVII веке на Руси была распространена практика, когда каждый желающий с соответствующего разрешения мог построить православный храм. При этом церковное здание, а также иконы, колокола и вся остальная утварь считались собственностью строителя. Движимое и недвижимое храмовое имущество передавали по наследству и переуступали в другие руки. Возможно, что именно с этим связан стойкий интерес Семёновых к судьбе Казанской церкви. Известно, однако, и другое.

Михаил Семёнов Олончанин построил Казанскую церковь «по обету», то есть по обещанию перед Богом. При этом он, конечно, должен был хорошо знать инициатора строительства возводимого им храма Афанасия по прозвищу Железный Посох. Как известно, Афанасий пользовался большим уважением в городе. Устюжане «по-

читали его и благоговели даже к нему за святость его жизни и за дар предсказаний»³⁰. Не исключено, что именно это послужило поводом к тому, что Михаил Семёнов дал обет построить храм на месте явления Казанской иконы. Кроме того, в условиях маленького городка (а в Устюжне в тот период насчитывалось не более 6 тысяч жителей³¹) Афанасий Железный Посох мог находиться и в родственных связях со строителем Казанского храма. Так, по данным 1667 года в Устюжне проживал посадский человек по имени Афанасий Семёнов³², однако род его занятий неизвестен, поэтому утверждать, что именно он являлся юродивым, прозванным Железный Посох, в настоящее время не представляется возможным.

Что касается Михаила Семёнова Олончанина, то в городе его называли «строителем домов убогих душ», да и первый Казанский храм также был известен как «дом убогих душ».

Дело в том, что Казанский храм был построен «на новом месте за посадом (убогих душ)»³³. Собственно убогими домами называли глубокие ямы-могилы со срубам на поверхности земли. В такие ямы гробы ставили один на другой. Когда яма заполнялась, ее засыпали землей и выкапывали новую. Такой способ захоронения не требовал больших средств и был доступен самому неимущему населению. Лишь в 1772 году кладбище при тогда уже новой каменной Казанской церкви стало считаться общим городским, а могилы — убогие дома — постепенно исчезли с лица земли и из памяти устюжан. То, что довольно состоятельный посадский человек Михаил Семёнов явился «строителем домов убогих душ», говорит о его сердобольном, истинно христианском отношении к неимущим, в число которых, несомненно, совершая «юродство ради Христа»³⁴, входил и Афанасий Железный Посох.

Московский «боярин» Герасим Бельский

Когда Афанасий Железный Посох собирал пожертвования на строительство Казанского храма в Устюжне, он (согласно легенде) зашел в один из домов, где остановился какой-то «проезжий боярин». Впоследствии этот боярин взял юродивого «с собою в Москву, слил по его желанию колокол и обратно отвез в Устюжну»³⁵.

Появление в Устюжне в первой половине XVII века какого-то заезжего боярина само по себе явление редкое. К этому периоду город переживал экономический кризис. В 1646 году устюженский

таможенный и кабацкий голова Юшка Володимиров в своей отписке в Москву так характеризовал состояние экономики Устюжны Железопольской: «...людишка, государь, на Устюжне изошлые... и всяким ремесленным людем, кузнецам и молотникам, промыслов нет. А приезде, государь, и проезду торговым людем, опричи тихвинцев и ладожан, никово нет; город нелюдной, от иных, государь, городов удален»³⁶. Какие же дела привели московского боярина в такой отдаленный, «нелюдной» городок русской глубинки? И куда делся церковный колокол, отлитый им для Казанского храма?

Краевед Е. Поливин среди древностей Казанской церкви, описанных им в середине XIX века, указал три колокола. «Один большой с надписью в верху около плеч: «слит сей колокол в лето благочестивые и христоролюбивые державы царства Государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белья России Самодержца», под поясом: «слит сей колокол в дом Пречистыя Богородицы, в убогий монастырь. Строил колокол строитель Михайло Семенов»; на самой кромке внизу: «лил мастер Харитон Иванов лета 7179 [1671. — Е.В.] году, а весу в нем 57 п[удов] 22 грив[енки]». На втором следующая надпись: «Лета 7187 [1679. — Е.В.] февраля в 1 день приложил сей колокол на Устюжне Железопольской в убогий дом к церкви Казанской Богородицы москвитин нижняго железного ряду торговый человек Герасим Васильев сын Бельской по своим родителям, а весом 30 п[удов] 20 гр[ивенок]», на третьем: «90 году [1682. — Е.В.] апр[еля] в 20 д[ень] приложил сей колокол москвитин садовник Герасим Васильев сын Бельской, на Устюжну Железопольскую в убогой дом Казанской Богородицы, по своим родителям, а весу в нем 26 п[удов]»³⁷.

Итак, самые древние колокола Казанского храма датированы 1671, 1679 и 1682 годами, а сама церковь, как было указано выше, была построена в 1647 году. Неужели в течение 24 лет храм не имел колоколов?

Собственные заводы по отливке колоколов появились в России уже в XV веке. Первоначально колокола были небольшими и, как правило, по два-три при храме. Такие колокола не требовали строительства отдельного здания. Они просто подвешивались под крышей деревянного храма. Кроме того, колокола были далеко не во всех церквях, а только в главных, соборных. В небольших и небогатых храмах, каким, несомненно, являлся первый Казанский храм в Устюжне, вместо колоколов использовали так называемые била и

клепала. Била — это деревянные доски, а клепала — железные и медные полосы, согнутые в полукруг. Ручные клепала при употреблении держали в руках за перехват посередине, более громоздкие била подвешивали на столбах либо особых приспособлениях — бильницах. В некоторых устюженских храмах била и клепала применяли наравне с колоколами даже в начале XX века. Видимо, подобные устройства для звона, изготовление которых не могло быть проблемой для мастеров Устюжны Железопольской, были и в Казанском храме³⁸. В противном случае церковный колокол, да еще отлитый на одном из московских заводов, которые стояли в ряду лучших в России, должны были бередь почти наравне с самой явленной Казанской иконой³⁹. Однако документальные источники не подтверждают существования такого колокола в Казанском храме.

Описание Е. Поливиным «древностей» Казанской церкви указывает на то, что самым старым колоколом храма считалось изделие мастера Харитона Иванова 1671 года, отлитое на средства Михаила Семенова. А вот два других колокола из этого списка были заказаны «москвитинном» Герасимом Бельским.

Герасим Васильевич Бельский известен исследователям истории Устюжны Железопольской как московский посадский человек, оптовый скупщик «железного товара» устюженских производителей в последней четверти XVII — начале XVIII века. Автор ряда работ по истории русского железоделательного производства К.Н. Сербина писала: «...в течение всей последней четверти XVII (1671 г.) — нач. XVIII (1702 г.) вв. ряд устюженских железопольских кузнецов и скупщиков «отдавали» привезенный ими в Москву «железный товар» только одному москвитину — Герасиму Васильеву Бельскому, с которым некоторые устюженцы ... были связаны в двух поколениях... поездки устюженских посадских людей и крестьян в Москву были регулярными»⁴⁰.

По данным 1702 года, из десяти устюжан, регулярно переправлявших свой товар для продажи в Москву, пятеро сбывали железную продукцию Бельскому⁴¹. Дом богатого торговца находился в Нижней Садовой слободе Москвы, именно поэтому в надписи на одном из колоколов, пожертвованных Бельским для устюженского Казанского храма, указано, что он «садовник». Известно также, что в 1713 году Бельский имел в Устюжне свои дворы, в которых жили священнослужители все того же Казанского храма: «Итого у той церкви поповых и причетнических 5 дворов, в них людей... а по скаске их

живут де они на государеве земле во дворах вкладчика москвитина Герасима Васильева сына Бельского»⁴².

Итак, москвич Г.В. Бельский имел в указанный период прочные и тесные связи с Устюжной Железопольской и конкретно с городским Казанским храмом⁴³. Судя по всему, народная легенда о построении Казанского храма в Устюжне, рассказывая о «московском боярине», имела в виду именно Г.В. Бельского. По крайней мере, нет никаких данных о том, что в устройстве Казанского храма принимал участие какой-то другой «москвитин». Таким образом, первый колокол, отлитый на средства Бельского, появился в Казанском храме в 1679 году. Видимо, именно тогда он и возил Афанасия по прозвищу Железный Посох в Москву, следовательно, юродивый принимал активное участие в судьбе Казанской церкви даже через 32 года после ее основания.

Что касается боярского «звания» Г.В. Бельского, то известно, что на Руси в народе боярами называли не только представителей боярских родов, но и просто богатых и влиятельных людей. В одном из словарей указано: «Слово боярин обозначало вообще влиятельного в земле человека, нарочитого мужа... боярином был... вероятно... и богатый человек... крупный хозяин»⁴⁴. Безусловно, что Г.В. Бельский, который на протяжении четырех десятилетий являлся самым крупным оптовиком — скупщиком товаров устюженского железодельного производства, был для устюжан весьма влиятельным и «нарочитым мужем», поэтому народное предание по праву именовало его боярином. Свою роль в этом определении могла сыграть и сама фамилия, так как другой, более известный в истории России род Бельских имел княжеский титул. Один из представителей этой династии — князь Дмитрий Григорьевич Бельский — руководил переписью Устюжны Железопольской в 1597 году⁴⁵.

Еще раз об Афанасии, прозванном Железным Посохом

Итак, сведения, указанные в народной легенде о построении первого Казанского храма Устюжны в 1647 году, в большинстве своем подтверждаются архивными источниками. При этом в предании говорится о том, будто инициатором строительства церкви стал местный юродивый по имени Афанасий Железный Посох. Маловероятно, что народная память могла перепутать имя столь почитаемого в местных краях человека. Для устюжан Афанасий Железный Посох являлся тем же, чем, к примеру, для москвичей был юродивый

Василий Блаженный, а для вологжан — Иван Большой Колпак⁴⁶. В городе, известном своими патриархальными традициями, вряд ли забыли бы имя основателя одного из лучших устюженских храмов, следовательно, Афанасий Железный Посох жил в XVII веке и не мог быть учеником Сергия Радонежского и основателем Череповецкого Воскресенского монастыря.

Н.П. Барсуков для составления каталога житий святых в указанном выше сочинении использовал рукопись XVIII века, а М.В. Толстой положил в основу своей работы список более раннего периода. В предисловии к книге он писал: «Предлагаемая рукопись составлена неизвестным тружеником в конце XVI и в начале XVII века. Списки ее разошлись по разным местам и время от времени дополнялись разными лицами в более или менее подробном виде. Все они представляются в виде каталогов прославленных церковью и местночтимых святых с кратким указанием местности и времени жизни... Я пользовался следующими списками: 1) рукопись библиотеки Моск[овской] Дух[овной] Академии, полуустав XVII в. под № 209; 2) рукопись конца XVII в. в той же библиотеке, в отделении старообрядческих рукописей, № 207; 3) рукопись XVIII в. в Императ[орской] Публ[ичной] библиотеке (Русские рукописи. Q I. № 603) и 4) рукопись, принадлежащая П.И. Савваитову, XVIII в. (Прилож[ение] к книге Н.П. Барсукова «Источники русской агиографии»). Из них я выбрал первую в основание своего труда и представляю ее теперь в полном виде, без всяких изменений»⁴⁷.

Итак, Толстой «в основание своего труда» положил рукопись XVII века из собрания библиотеки Московской Духовной академии, которую опубликовал «без всяких изменений». При этом он был знаком и с рукописью XVIII века, которой пользовался Н.П. Барсуков.

Как уже было указано выше, Барсуков в своем сочинении (со ссылкой на рукопись XVIII века) называет двух Афанасиев. Это «Афанасий, преподобный Устюжны Железной... зовомый Железный Посох» и «Афанасий, преподобный Череповецкий»⁴⁸. Но почему же в рукописи XVII века из собрания библиотеки Московской Духовной академии, которую Толстой, по его признанию, опубликовал без всяких изменений, Афанасий Череповецкий назван святым «града Устюжны Железныя»⁴⁹? Дело в том, что эта рукопись (как, впрочем, и другие) является только «списком» (от слов «списать», «переписать»), то есть копией с подлинника, да еще с интерпретацией автора. Недаром Толстой указывает, что списки с подлинника «разошлись по

разным местам и время от времени дополнялись разными лицами»⁵⁰. В таких случаях ошибки неизбежны⁵¹.

Что же касается каталога Барсукова, который также был изучен Толстым, то сведения, указанные в нем, действительно вызывают сомнения. Дело в том, что у Барсукова святые Афанасии почему-то имеют некоторые схожие факты биографий. Оба носят одно и то же имя, оба являются учениками Сергия Радонежского, оба «пустынники»⁵², оба живут в одно и то же время. Толстой, изучив работу Барсукова, не мог не заметить этих странных совпадений и, видимо, решил, что речь должна идти об одном человеке. Логика понятна. Почему бы жителю Устюжны Железопольской не стать основателем монастыря, который даже географически был расположен не так далеко от «столицы Железного Поля»? Таким образом, Афанасий Череповецкий получил прозвище Железный Посох⁵³ и устюженскую «прописку». Откуда взялись странные совпадения в биографиях двух Афанасиев у Барсукова, можно только догадываться. По всей видимости, одинаковые имена и близкие в географическом плане места деятельности святых сыграли с ними злую шутку. Кто-то из авторов древних списков «переписал» отдельные моменты из жития одного Афанасия на другого. В противном случае столь похожие биографии трудно объяснить.

Что же касается упоминания у краеведа Е.А. Поливина, будто бы Афанасий Железный Посох жил «лет за полтора»⁵⁴ до публикации вышеизложенной легенды, то есть в начале XVIII века, то это утверждение вполне опровергает дата строительства Казанского храма — 1647 год. Эта же дата указывает на то, что устюженский Афанасий Железный Посох не мог жить в XIV веке.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод: святой преподобный Афанасий Череповецкий и юродивый Афанасий Железный Посох из Устюжны — это два разных человека. Первый жил в XIV веке, был учеником Сергия Радонежского и основал Череповецкий монастырь. Второй жил в XVII столетии и явился основателем первого Казанского храма Устюжны Железопольской.

Судьба колокола и Казанской иконы

Деревянная Казанская церковь простояла в Устюжне до конца XVII столетия. В 1694 году на средства купца Г.Д. Строганова возле нее был воздвигнут каменный Казанский храм. Прежние де-

ревянные строения церкви⁵⁵ были разобраны и перевезены в другие городские приходы⁵⁶, где и служили до своего обветшания. Из старой Казанской церкви в новую каменную перенесли все ценности, включая явленную чудотворную Казанскую икону и старинные колокола.

В 1905 году с разрешения епархиального начальства колокол 1679 года был перелит и потому утратил историческую ценность. Однако и в своем новом виде он продолжал висеть на церковной колокольне Казанского храма вплоть до 1934 года.

Летом 1934 года в Устюжне работала Карело-Лодейнопольская межрайонная заготконтора треста «Металлом», которая занималась съемом и вывозом церковных колоколов. По иронии судьбы представитель «Металлома» носил фамилию строителя первого устюженского Казанского храма — Семёнов. На требования директора местного музея Б.М. Яковцевского передать в хранилище старинные колокола Казанской церкви Семёнов ответил отказом. Яковцевский отправил телеграммы в Ленинградский облполитпросвет⁵⁷ с просьбой подтвердить историческую ценность колоколов и в трест «Металлом» с требованием приостановить деятельность Семёнова. Ответы пришли положительные, но было уже поздно. Семёнов со своей бригадой успел провести съём колоколов со звонницы. При этом старинные тяжелые колокола сбросили на землю с большой высоты, и они разбились на куски. Так вместе с другими был безвозвратно утрачен легендарный колокол Афанасия по прозвищу Железный Посох из Устюжны.

Другая судьба ожидала явленную чудотворную Казанскую икону. В 1921 году специалисты Устюженской уездной комиссии по охране памятников искусства и старины сделали ее описание: «Образ Казанской Божией Матери в чудесах, на полях — изображения акафиста. На иконе сплошная риза чеканной работы из чистого серебра, вызолоченная, украшенная камнями (бриллиантами — 208 настоящих и поддельных 96, аметистами (4), топазом (1), изумрудом (1), сапфиром (1), бирюзы (13), рубины (4) и жемчуг. Древнего московского письма. Размеры 72 x 90... По преданию, икона эта явилась одному юродивому Афоне по прозвищу Железный Посох в сосновом лесу на месте нынешней церкви»⁵⁸.

Согласно данным Главной церковной и ризничной описи Казанской церкви, составленной в 1854 году, драгоценная риза на иконе была «устроена в 1843 году, в С.-Петербурге, на жертвованную от граждан сумму, с участием сельских прихожан»⁵⁹. При этом старый, более скромный оклад перенесли «на другую, подобную сей икону,

употребляемую для хождения по домам»⁶⁰. Последняя позднее и заменила в иконостасе главного придела настоящий храмовый явленный чудотворный Казанский образ. Что же произошло с иконой, некогда явившейся Афанасию, прозванному Железный Посох?

В конце 1930-х годов на волне антирелигиозной кампании Казанский храм был закрыт. Все его имущество, представлявшее историческую и художественную ценность, описали и передали на хранение в Устюженский музей местного края. В акте поступления церковных предметов в музей от 20 июня 1939 года под № 49 указано: «Икона Богоматери Казанской, 16 век, ковчег, в житии 12 клейм. Красочный слой местами попорчен, размер 71 x 89 см»^{61, 62}.

К этому времени драгоценного оклада на иконе уже не было. В 1943 году, когда Казанский храм был вновь открыт для верующих, явленный чудотворный образ в него не вернули, однако он был сохранен и в настоящее время находится в коллекции древнерусской живописи Устюженского краеведческого музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Осу* — старое русское приветственное восклицание с пожеланием успеха и процветания.

² Статья Е.А. Поливина впоследствии была издана отдельной брошюрой. Сноски здесь и ниже приводятся по этому изданию: *Поливин Е. Монастыри и церкви в Устюжне Железопольской / Издание настоятеля Устюженского Богородице-Рождественского собора протоиерея Иоанна Казанского. Устюжна, 1906. С. 23–25. Легенду в записи Поливина об основании Казанского храма в Устюжне также опубликовал московский историк И.Ф. Токмаков в своей книге «Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии». (М., 1897. С. 63–65).*

³ Есть предположение, что прозвище Железный Посох связано с ношением вериг, служавших для изнурения плоти. Однако информации о веригах в виде железного посоха не встречается ни в одном из известных источников. В христианстве посох является символом пастырской власти и отеческого попечения, а также знаком духовной власти над какой-либо обителью. Любопытно, что в свое время в с. Спасское Покровского уезда Владимирской обл. (совр. д. Марково Петушинского р-на Владимирской обл.) существовал храм Спаса Железного Посоха. Согласно преданию, эта церковь была сооружена в XVI в. по указу Ивана Грозного на месте, где на его отряд напали татарские лазутчики. Царь отбил их своим железным посохом.

⁴ *Амвросий (Андрей Антипович Орнатский)* — епископ Пензенский и Саранский, уроженец Череповецкого уезда, автор фундаментального труда «История Российской иерархии» (М., 1807–1815).

⁵ По мнению *Н. Поройкова*, автора статьи «Исторические сведения о бывших и существующих монастырях, их строителях и основателях в Череповецком уезде

Новгородской епархии», опубликованной в «Новгородских епархиальных ведомостях» (1895. 1 февраля (№ 3), Афанасий и Феодосий не могли построить храм Во имя преподобных Сергия и Никона Радонежских, так как последние умерли позднее первых.

⁶ Видимо, выдержка была взята Н.П. Барсуковым из вышеуказанной работы преосвященного Амвросия (Орнатского).

⁷ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 70.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Рукопись, принадлежавшая собирателю старины П.И. Савваитову, имеет очень длинное название, которое начинается словами «Книга, обдержажая в себе собрание всех Российских святых Чудотворцев...».

¹⁰ Толстой М.В. Книга, глаголемая описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастырь и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых. М., 1887.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Упомянутая у Н.П. Барсукова и у М.В. Толстого «Вкладная книга Череповецкого Воскресенского монастыря» не сохранилась. Большинство исследователей датируют ее 1568 годом.

¹³ Толстой М.В. Книга, глаголемая описание о российских святых... С. 182.

¹⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 3–4.

¹⁵ Поливин Е. Указ. соч. С. 22 (в процессе своей работы краевед пользовался документами XVII в. из богатого в то время архива Казанской церкви).

¹⁶ Известны также описания Устюжны Железопольской 1537 и 1564 гг. Однако материалы этих описаний не сохранились, и уже в исторических исследованиях XIX в. «третьей переписью» города считалось описание 1626 г.

¹⁷ В некоторых церковных ведомостях Казанского храма начала XX в., хранящихся в фонде Устюженского духовного правления (Ф. 4) из собрания Устюженского музея, указана дата строительства церкви — 1637 г. Судя по всему, это ошибка, которую составители ведомостей бездумно ежегодно переносили из одного бланка в другой.

¹⁸ Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатово Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской 1567 г. / публ. Ю.С. Васильева, Н.П. Воскобойниковой // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 144; Устюженский краеведческий музей (УКМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1. (Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатово на посад Устюжны Железопольской 1567 года (копия). Л. 11).

¹⁹ В сотных 1597 и 1626 гг. упоминается одноименный храм Рождества Христова за рекой Мологой, т.е. в зареченской части города.

²⁰ См.: Сотная из писцовых книг Д.Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. / публ. Н.П. Воскобойниковой, П.А. Колесникова // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984.

²¹ УКМ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 54. Л. 17.

²² Там же. Оп. 3. Д. 45. Л. 2.

²³ Там же. Д. 22. Л. 10.

²⁴ Там же. Оп. 7. Д. 12. Л. 14, 15об., 16, 16об., 17, 19об.

²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 21.

²⁶ *Баландин Н.И., Червяков В.П.* Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. // *Аграрная история Европейского Севера СССР*. Вологда, 1970. С. 212–213; УКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 9. Книга переписная населения Устюжны и уезда за 1713 г. (копия). Л. 22.

²⁷ Устрецкая волость Белозерского уезда.

²⁸ *Токмаков И.Ф.* Указ. соч. С. 67.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 64.

³¹ *Колесников П.* Устюжна. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. С. 16.

³² УКМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 30. Л. 27.

³³ Там же. С. 63.

³⁴ По христианским канонам человек, совершавший «юродство ради Христа», ставил задачу побороть в себе корень всех грехов — гордость, поэтому юродивые вели особый образ жизни, презирав все материальные блага.

³⁵ *Поливин Е.А.* Указ. соч. С. 25; *Токмаков И.Ф.* Указ. соч. С. 65.

³⁶ *Пугач И.В.* Устюжна Железопольская в XVI–XVII веках // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2008. Вып. 6. С. 100.

³⁷ *Поливин Е.А.* Указ. соч. С. 31–32. Пуд — 16,38 кг, гривенка большая — 406 г, гривенка малая — 203 г.

³⁸ Известен также факт отлива колокола устюженскими мастерами из местной железной руды. Этот колокол находится на хранении в коллекции Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. См.: Указатель хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете. Новгород, 1889. С. 45; Краткое описание Новгородского музея / сост. В. Ласковский и Н. Ланков. Новгород, 1893. С. 50; *Романцев И.* Краткий каталог предметов церковного отдела в Новгородском музее древностей. Новгород, 1911. С. 64; и др.

³⁹ Известно, что явленный Казанский образ Божьей Матери пережил пожар 1659 г. Логично было бы предположить, что если бы в этот период у Казанского храма был свой колокол, то его, как особо ценную вещь, спасали бы из огня вместе с другим церковным имуществом.

⁴⁰ УКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 61. Л. 7.

⁴¹ Там же. Л. 11–12.

⁴² Там же. Оп. 4. Д. 9. Л. 32.

⁴³ Известен факт, что в 1671 г. некая московская вдова Мария Тимофеевна Бельская построила каменный храм для Николо-Моденского монастыря, который располагался в 40 км от Устюжны. Не исключено, что она имела какие-то родственные связи с Г.В. Бельским.

⁴⁴ *Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* СПб., 1891. Т. 8. С. 519.

⁴⁵ См.: Сотная из писцовых книг Д.Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. / публ. Н.П. Воскобойниковой, П.А. Колесникова...

⁴⁶ Иван Большой Колпак (Железный Колпак, Железная Голова, Водоносец) — вологодский юродивый, был известен тем, что открыто обвинял царя Бориса Годунова в убийстве царевича Димитрия (Угличского). Имел большую популярность не только у вологжан, но и у москвичей. После смерти был торжественно похоронен под спудом храма Василия Блаженного на Красной площади в Мо-

скве. Прототип юродивого Николки по прозвищу Железный Колпак в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

⁴⁷ Толстой М.В. Указ. соч. С. 1.

⁴⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 68, 70.

⁴⁹ Толстой М.В. Указ. соч. С. 182.

⁵⁰ Там же. С. 1.

⁵¹ К таким ошибкам или неточностям, видимо, следует отнести указание в разных источниках разных дат смерти святого преподобного Афанасия Череповецкого — 6896 г. (у Барсукова) и 6900 г. (у Толстого), если, конечно, учитывать, что в XIV в. практически в одной и той же местности жил только один святой Афанасий, ученик Сергия Радонежского.

⁵² Пустынниками или *отшельниками* называли христианских подвижников, которые, стремясь избежать мирских соблазнов, уходили жить в горы и пустыни для того, чтобы вести строгую аскетическую жизнь и тем приблизиться к Богу.

⁵³ Конечно, теоретически можно допустить, что прозвище Железный Посох мог носить и основатель Череповецкого монастыря. Однако подобные прозвища все-таки более характерны для юродивых (Иван Большой Колпак, Митька Куляба, Михайло Босой, Иван Власатый, Федька Комар и проч.), а не для монахов, каким являлся ученик Сергия Радонежского святой преподобный Афанасий Череповецкий. Следует также заметить, что в надписи на вышеуказанной «Вкладной книге Череповецкого монастыря» за 1568 г. имя святого Афанасия написано без прозвища.

⁵⁴ Поливин Е. Указ. соч. С. 23.

⁵⁵ По северной русской традиции церковей в приходах стояло по две. В холодных храмах служба проводилась от Пасхи до Покрова, а в теплых служили от Покрова до Пасхи. После пожара 1659 г. на месте сгоревшей Казанской церкви построили два деревянных храма — холодный Во имя Преполовения с приделом Казанской явленной иконы и теплый Во имя царевича Димитрия с приделом Великомученицы Екатерины.

⁵⁶ Прежние деревянные церкви были проданы за 130 руб. Троицкому и Васильевскому приходам и поставлены на их территории.

⁵⁷ Ленинградский облполитпросвет — областной политико-просветительный отдел Ленинградского облисполкома. В указанный период Устюженский район входил в состав Ленинградской области.

⁵⁸ УКМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 128/7. Л. 43.

⁵⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12/23. Л. 7.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В разных источниках размеры иконы указаны разные. Это зависело от точности тех, кто занимался измерениями, а также от того, была ли икона в окладе, особой вкладной раме, либо без того и другого.

⁶² УКМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 34об.